

Вальдемар ВЕБЕР

Густав

Дом у дороги, в котором мы по возвращении в Карабаново поселились, был старым и нуждался в постоянной починке. На капитальный ремонт его не ставили, латали то там, то здесь. На лестнице вечно пахло известкой и олифой.

Ремонтировать нашу квартиру назначили дядю Федю Агафонова, пожилого штукатура из фабричного СМУ. Мы знали его по прошлому ремонту и полюбили за добродушный нрав.

В этот раз он пришёл к нам без предупреждения. Родителей удивило, что своего помощника он не представил. Мама протянула руку первой, назвала себя по учительской привычке Эмилией Генриховной. Тот ответил на рукопожатие не сразу, с задержкой, словно не решаясь:

- Ланг.

- Густавом его зовут! - буркнул дядя Федя. Стало ясно, что его помощник - военнопленный немец.

Пленные в Карабанове жили в бараках кирпичного завода на окраине города. На работу и с работы мимо наших окон они проходили строем и под конвоем. На некоторых еще была немецкая форма. Остальные были одеты во что попало.

Дядя Федя разговаривал с Густавом односложно и преувеличенно громко, словно с глухим. Часто ему приходилось прибегать к усиленной жестикуляции.

Густав был моложе дяди Феди, но тоже далеко не юн, высокий, тощий, с робкой сединой в русых вьющихся волосах, костистое от худобы лицо, под темными бровями - большие глаза. Не помню их цвета, помню только, что именно глаза больше всего выделялись на лице.

На время обеда дядя Федя своего подручного куда-то увел. Они долго не возвращались, и у нас было время обсудить ситуацию. При разговоре присутствовала тетя Настя, соседка, жившая с нами в одной квартире. От неё у нас секретов не было.

- Уверен, - сказал отец, - это провокация. Я эти их штучки знаю. Прислать военнопленного в дом к нам, сотоящим на спецучете, - тут

нужна особая санкция. Мы с мамой уже совершили ошибку, первыми протянули ему руку. Он не должен понять, что мы немцы. Уверен, что у дяди Феди будут расспрашивать, общались ли мы с Густавом и на каком языке... Может быть, у него есть даже задание следить за нами.

Старшие братья посмотрели на меня, словно к ним сказанное не относилось – мол, единственный, кто мог не осознавать серьезности положения, был я. Мне тогда не было ещё и восьми.

Тётя Настя уважала отца за образованность и почтительное к ней отношение, прощая ему даже атеизм. При словах о дяде Феде она недовольно насупила брови, но ничего не сказала. Дядю Федю она знала с детства. Пока он воевал, умерли его жена и дочь, зять с фронта не вернулся. Теперь он один растил внучку, забрав ее из детдома. Сильно богомольным, как тётя Настя, он не был, но по великим праздникам составлял ей компанию в её поездках в церковь в Александров и даже во Владимир.

Один раз, когда дяде Феде что-то никак не удавалось Густаву объяснить, он не выдержал:

- Слушай, Миля Андревна (так он для простоты называл маму), переведи ему, ты же учительница.

Мама сделала вид, что не слышит. Дядя Федя лишь ухмыльнулся.

Вскоре ремонт закончился, и мы с облегчением вздохнули.

Был конец августа, и мама с утра надолго уезжала покупать для нас школьную форму, учебники, тетради. В её отсутствии неожиданно явились дядя Федя и Густав, чтобы кое-что доделать. На этот раз дядя Федя оставил Густава работать одного, пообещал скоро вернуться.

Как мама зашла в квартиру, мы за своими занятиями не заметили. Обвешанная авоськами и свертками, она опустилась на ковер и по-немецки сказала:

- Как же я устала! Всюду очереди. Форму я вам так и не купила, завтра вместе поедem примерять.

Сидя на ковре, она стала распаковывать покупки, опять же по-немецки что-то рассказывая, но, не услышав реакции, вопросительно взглянула на нас, стоявших над ней как вкопанные и с открытыми ртами.

- Что-нибудь случилось? С папой?

Мы молчали, наши взгляды были направлены вверх ее головы к противоположной стене комнаты. Она медленно, с опаской, оглянулась. В проёме двери с мастерком в руке стоял изумленный Густав.

- Откуда Вы знаете мой диалект, у нас во всем лагере никого, кто на нем говорит?..

Мама приложила палец к губам, и он осекся, но остался стоять на том же месте, тараща глаза. Она вскочила, открыла входную дверь, вышла в общий коридор, обошла первый этаж, взбежала на второй, проверила, не работает ли там дядя Федя. Его нигде не было. Вернувшись в квартиру, заперла дверь изнутри, но, спохватившись, тут же опять её отперла.

- Вам страшно?- спросил Густав.

- Да, - ответила мама.

Он ушел в комнату, где работал, оставив дверь в неё открытой, и мама начала объяснять ему через стенку, кто мы такие, почему мы здесь, а он рассказывал о себе. Дядя Федя все не приходил, и они успели поговорить о многом.

До войны в своем маленьком городке под Дармштадтом Густав был булочником-кондитером, там у него остались родители, жена и двое детей, но о них он уже почти семь лет ничего не знал, писать и получать письма ему не разрешалось.

Его речь была, действительно, похожа на мамину. Он выговаривал слова так, словно был её братом, а мы знали, что у мамы на Урале жили четверо братьев, которых мы никогда не видели и приезжать которым к нам запрещалось. Как объяснить, что этот совсем чужой человек, бывший враг, которого до сих пор приходится бояться, говорит на языке мамы?

Пришел дядя Федя и увел Густава, сказав, что завтра они придут опять, хотя было непонятно, для чего, - работа у нас была закончена.

Папа находился в командировке в соседнем Киржаче и должен был вернуться только на следующий день к вечеру.

В первые минуты после ухода Густава мама как-то суетливо и бестолково бродила по дому, рассеянно переставляя предметы на стеллажах и комоде, покупки свои так и оставила лежащими на ковре, даже распаковывать до конца не стала. Потом долго стояла у окна, смотрела на исчезающую в сумерках пыльную дорогу. Когда стемнело,

она молча сидела на диване, сложа на коленях руки, невпопад отвечая на наши расспросы. Но вот на её лице проступило знакомое нам благостное выражение, а вскоре и улыбка, правда, странная – словно она улыбалась самой себе.

Наконец, она поднялась и, всё также улыбаясь, попросила, чтобы мы сами собирали на стол и ужинали, а она пошла печь пироги.

Мама любила печь. У неё всегда был запас муки и дрожжей, но на этот раз их не хватило. Магазины уже не работали, и она попросила тетю Настю поскрести по сусекам. Ни нам, ни тете Насте она ничего не объясняла. Да та ни о чем её и не спрашивала, лишь выразила сомнение, успеет ли тесто дойти к ночи.

- Значит, буду ночью печь, - ответила мама весело.

Каждый из маминых пирогов имел своё время, был приурочен к календарному или семейному празднику. Но был один пирог, который мама пекла круглый год, чуть ли не каждый месяц, а то и чаще – пирог с посыпкой, или, как у нас называли, с посыпушками, наипростейший, для которого ничего не надо, кроме муки, молока, одного-двух яиц, немного масла, сахара и соли. Мама старалась его разнообразить фруктовой начинкой. Я же любил и люблю до сих пор самый простой вариант, без всякой начинки. По утверждению моей бабушки Терезии, все хлебные запахи и нюансы хлебного вкуса заложены в самом пшеничном зерне, надо лишь дать им проявиться.

Кроме выпечки, мама в ту ночь готовила и трудоёмкий немецкий обед, и мы перед сном помогали ей раскатывать скалкой тесто для лапши и разрезать его на длинные тонкие полоски.

Когда на следующее утро дядя Федя, приведя к нам Густава, опять куда-то заторопился, стало ясно, что он пользуется Густавом для прикрытия, сам же убегает «халтурить». На то, что мама при нем вдруг заговорила с Густавом по-немецки, он никак не прореагировал, - лишь сказал, втянув воздух носом:

- Во как настряпали, аж краску перебивает, - но от угощения отказался: - Некогда.

Густав сначала стеснялся идти на кухню. Его, как он позже признался, особенно смущало мамино «Вы». За всё время плена никто к нему так не обращался.

Тетя Настя налила в граненный стакан чаю и подала его Густаву на глубоком блюде.

- Я испекла то, что у нас дома готовили, - сказала мама, - подумала: раз выговор у нас такой похожий, может, и готовят у вас по-нашему. Узнаёте?

Густав долго ни к чему не прикасался, только всё разглядывал. Взгляд его неизменно возвращался к пирогу с посыпушками в центре стола.

- Штройзелькухен, - сказал он тихо.

- У нас его называли ривелькухен, - ответила мама.

Он ел медленно, откусывая от пирога маленькие кусочки и глядя в пространство, словно что-то вспоминал. А затем у него полились слезы, и он вытирал их рукавом комбинезона. «Если расскажу в лагере, что ел сегодня штройзелькухен, товарищи подумают, что я начинаю сходить с ума, у нас уже со многими такое случалось».

Вдруг он сказал:

- У вас пахнет свежим тестом.

Мама подтвердила:

- Я с утра новое поставила. - И сдернула с таза, стоящего на скамейке у стены, полотняное полотенце.

- Хотите сами попить - плита еще горячая?

Густав посмотрел на маму недоверчиво, словно не поверил собственным ушам или подумал, что над ним подшучивают.

- Да я серьёзно, это же я для Вас тесто ставила, - солгала мама.

Он нерешительно протянул к тесту руку, оторвал кусочек, помял, положил на язык, потом уверенно сказал: «Ему надо ещё капельку постоять».

- А Вы можете пока печь из простого, пресного, - предложила мама.

В один миг Густава облачили в фартук тети Насти. Засучив до локтей рукава комбинезона, он попросил ножницы, которыми коротко остриг ногти на руках, вымыл их мылом и сполоснул раствором уксуса. Пересмотрел всю мамину и тети Настину утварь, ножи, ложки, доски,

скалки, миски, противни, сковородки. Проверил тягу в духовке. Продукты разложил в определенной последовательности.

Хотя его движения были неторопливыми и обстоятельными, мы видели, что он волнуется. Но вот он начал действовать - уверенно и с поразительной быстротой. Пока подходило тесто, готовил из воды и сахара глазурь, а из сметаны и сахара - крем, из приготовленного наскоро теста пек лепешки, пончики, пирожки - всего понемножку. Самые первые экземпляры давал пробовать нам, детям. При этом шутил, рассказывал смешные истории из своей пекарской жизни.

Когда тесто доспело, стал печь плюшки, крендели, а по просьбе мамы - луковый пирог. Испек бы еще и яблочный, но был март и все зимние яблоки давно уже были съедены.

В обед мама кормила Густава постным супом с домашней лапшой, на второе - клецками с тушеной капустой.

Дядя Федя всё не возвращался, и мама решила показать Густаву, как собирается раскрасить побеленные стены большой комнаты. В миске разводится синька, берётся кусок шерстяной или хлопчатобумажной ткани, плотно свёртывается в форме ролика и окунается в краску. Легким коротким накатом на стену наносится пятно - орнамент. Красивей всего получается, когда чередуются два-три рисунка и когда они располагаются в определенной последовательности. Густаву это техника покраски была знакома, и он предложил:

- Давайте я буду наносить один рисунок, а Вы другой.

Чтобы сделать рисунок под потолком, Густаву достаточно было лишь протянуть руку вверх, маме же приходилось вскакивать на табурет. Внизу ловчее была мама. Они работали быстро, словно наперегонки. Вскоре вся комната была разукрашена.

Сделав последний накат и держа на весу напитанную синькой тряпку, Густав счастливо улыбался.

С тряпки на голое плечо мамы, [переодетой](#) для работы в трикотажную мужскую майку, капнула краска и потекла медленной струйкой вниз по руке. Ладони мамы и Густава были в синьке. Густав оглянулся вокруг и, не найдя ничего, чем бы мог вытереть мамину руку, наклонил голову и, поймав языком струйку, стал медленно слизывать

краску вдоль по руке от локтя до самого плеча. Пока он не слизал её всю, мама руки своей не отняла, глядела оцепенело на его жидкие кудри.

Потом схватила миску с синькой, поднесла ко рту Густава и потребовала:

- Сплюньте, а то отравитесь!

Но Густав мотнул в знак несогласия головой и сглотнул слюну.

Вернувшийся отец совсем не удивился ни беседующей с Густавом весёлой маме, ни огромному количеству пирогов. Глядел на происходящее с выражением фатальной неизбежности.

Когда пришел дядя Федя, мы все сидели перед пыхтящим самоваром в комнате тёти Насти.

- Давно бы так, - сказал дядя Федя и вынул из-за пазухи поллитровку.

- Вкусно пахнут твои караваи, Андревна, да только водке они не компания. Настя, вынь-ка огурчики с грибками.